

Róbert Falus: Hesiod's Ars Poetica

In the prologue to his didactic epic poem *Theogonia*, Hesiod pronounces with especial emphasis that there are two types of songs the Muses know and may teach to those chosen: one type merely resembles what is real and therefore it is false, whereas the other one voices the truth. Naturally, Hesiod describes himself as a rhapsodist of the truth, yet there are many versions and hypotheses on interpreting his *ars poetica* current in classical philology. The argument of the present study may be summarized as follows.

The poet addresses his audience as a disciple of the precise-spoken (*artiepeiai*) Muses. He had to rely on the logical consistency of what he had to say (i.e. the novel message) and on the eloquence of form if he was to convince the public of the truth of his song. The former component is related to the openness of Greek mythic poetry and religion, which we cannot understand unless we abandon the metaphysics of modern European religions, while the latter factor stems from the actual essence of art and poetry, so often expressed and paraphrased by Greek poets and philosophers, too. Hesiod, as well as later poets (like Pindar, also analyzed in detail in this study) were also aware of the possibility for the two factors to come into collision: hence their disapproval of rivals who misled the audience by suggesting „sweet lies”. The grounds for the separation of the two types of song and, more forcibly, for Hesiod's choice of an *ars poetica* stating the primacy of contents but also demanding eloquence of form were laid down by the beginning of a new era, which was coming to condemn the ideology and poetry of the past heroic-aristocratic society as anachronistic and to assist the emergence of new

principles and practice in poetry. These clues promote an understanding of the prologue to the *Theogonia*, shedding light on Hesiod's importance in Greek culture for the history of ideas and, more specifically, for the history of aesthetics.

Tibor Szabó: The Philosophy of Practice of Young Gramsci

In this article, an attempt is made to present young Gramsci's philosophical development and his place within Marxist philosophy. The author is of the opinion that Gramsci made a creative contribution to Marxist philosophy by seeking to restore the totality of Marxism when it had been disrupted by theorists of the Second International on the one hand, and Bukharin on the other.

The basic trend in Gramsci's philosophy is polemics against economism, a mechanistic conception of history. In contradistinction, he emphasizes the importance of the subject in history, of the conscious action of man. It is only after 1918 that a parallel recognition of conscious action and historical necessity appears in his philosophy. His approach, however, remains anthropologically centered, though not subjectivist like that of Mondolfo or Sartre.

It is here suggested and underlined that Gramsci's philosophy is not a „praxis philosophy”, no abstract humanism: it consists in linking the practical moment, also required by Marx and Lenin, with consciousness, therefore it is a philosophy of altering practice. This is what makes his conception akin to Lukács' philosophy.

Prominent figures of French Existentialism have sought to establish a complex unity of philosophy and art. Sartre and Camus deliberately turn their attention towards questions of aesthetics. They often resort to artistic means in order to present central issues in their philosophy.

In their conception of art, they keep a link with Romanticism on the one hand, and with Husserl's phenomenology on the other, which in the works of Sartre and Camus results in a specific concern for music. They hold that the sole means of intuitively comprehending the world and the self, getting access to totality, and of the realization of existence, will be art and within that, music.

This privileged position is, in their view, ensured for music by its being the only medium able to solve the philosophical problematic of particularity vs. totality, for it is able to offer the subject a representation of the conceptually inexpressible, the appearance of totality in a sensuous way, as a concrete general. Also, as a medium, music is itself the most abstract art, the one most detached from reality and language. On the other hand, the totality expressed in music conjures up what is impracticable in reality, i.e. the sphere of the irreal (transcendence), of pure subjectivity, which therefore makes music an ideal of the subject's freedom, self-actualization, in fact, of total freedom.

The philosophy and musical theory of French Existentialism provide multiple theoretical grounds for 20th-century tendencies of music as having directly evolved from Romanticism, and, in the name of „total freedom”, they absolve those abusing artistic freedom.

Csaba Varga: The Question of Formal Rationality in Law

This article emerges from a paper which was presented at the seminar on rationality in law, organized by the Centre for Philosophy of Law at the University of Paris, and which will appear in French in the 1977 Volume of *Archives de Philosophie du Droit*. The present undertaking is twofold. One task is to utilize the author's preceding monographic analyses (concerning the codification of law as a socio-historical pheno-

menon) in examining the appearance, forms and functions of formal rationality in law, which leads to an organization of legal norms in a coherent logical system, and in general, to the foundation of a theory of legal objectivation. The other line is to identify the place of law and within it, of formal rationality in the ontology of social existence, drawing on Lukács' posthumous work. The present study makes a sharp distinction between the ontological and the epistemological approach to law. Ontologically, a basic contradiction is seen in law, that is, that law must be embodied as an external objectivation when, at the same time, its daily practice must adapt to the actual needs, at any given time, of the actual being so of society in order to be able to ontologically perform its mediating function. Its formal rationality is therefore a social necessity which, however, it must continually break by its daily practical manipulation. These are the two poles of the contradiction between which the real life and practice of law takes place in incessant shift.

Endre Nagy: Contradictions in Ervin Szabó

The author of the present study analyzes the style of thinking of the first eminent Hungarian Marxist thinker Ervin Szabó. As a point of departure for his argumentation he takes the contradictions which were already traced by contemporaries in Ervin Szabó's system of thought. He makes an attempt to demonstrate that these contradictions are not sporadic faults in the great thinker's logic, but organic consequences of his positivist-empirical methodology. It is characteristic of this methodology that otherwise correct statements of matters of fact are followed by contradictory lines of exposition and deduction. This is because Ervin Szabó often uses the categories anti-dialectically in elaborating a case, which, in this way, will assume opposing meanings to the exclusion of each other. As a result of this methodology, the oeuvre of the great thinker is wholly interspersed with contradictions. This is the reason why Hegel is quoted in the motto of this study, according to whom it is the specific feature of the observing mind that, when it claims to be reporting what it has observed, it is in fact creating a metaphysics contradictory in all directions. Nevertheless, since it is specific of reality that it is contradictory in itself as the contents of an observing mind, Ervin Szabó's structure of thought contains dialectics

in a prenatal state and even comes to light at times, when Ervin Szabó finds dialectical solutions. This process is illustrated here through examples.

Most of the examples are taken from Szabó's theory of the state, since the present author endeavours to refute the criticism applied to Ervin Szabó's theory of state by József Révai, another eminent Hungarian Marxist thinker. József Révai, in a study he wrote in 1930, claimed that Ervin Szabó had changed his conception of a state into that of an organ over the classes and, furthermore, his demand to eliminate the role of the state in economy had

made him an advocate of the liberal state by the end of his career. This author, by way of contrast, demonstrates on the one hand that, as a consequence of the above outlined style of Szabó's thinking, side by side with the passages underlining the immanence of the state there are always others to negate this immanence and, on the other hand, that it is not the state in general but the state ruled by finance-capital which Szabó wants to exclude from the economy. Finally, parallel with rejecting the imperialistic state, he does not step back to the liberal state: he moves forward to an anti-etatic socialism to be built up on autonomies.

Роберт Фалуш: Ars poetica Гесиода

В предисловии к дидактической эпопее „Теогония” Гесиода говорится — именно с большим ударением — о том, что Музы различают и могут научить своих избранных песням двух типов: одна из них только похожа на действительность, значит, поддельная, другая воспекает истину. Гесиод признает себя рупором истинной песни, всё-таки о тольковании его *ars poetica* можно читать в классической филологии много толкований и предположений. Ход мыслей данной статьи можно резюмировать следующим образом:

В качестве ученика Муз точных слов (*artiepeia*) обращается поэт к своей публике. В истине своей песни он должен был убеждать слушателей логической последовательностью и красотой формы повествования — нового содержания. Предыдущий факт связан с открытостью греческого митологического стихосложения и религии, для понимания которых нам надо оторваться от метафизики современных европейских религий. Последний факт истекает из вечной сущности искусства и поэтики, не раз высказанной и варьированной греческими поэтами и философами. Гесиод и более поздние поэты (например Пиндар, который подробно анализируется в работе) сознавали возможность и столкновения двух факторов, поэтому осуждали тех противников, которые вводили в заблуждение своих слушателей убеждением „сладкой лжи”. Разграничивание двух типов песен, а именно выбор Гесиода — его *ars poetica* акцентирующую первичность содержания, но требующую и красоты формы — обосновала та смена эпохи, которая считала анахрониз-

мом идеологию и поэзию георического и аристократического общества и стимулировала формирование новых поэтических принципов и практику. Вот это разъясняет предисловие к Теогонии и выявляет значение Гесиода с точки зрения истории общественной мысли, в частности эстетики.

Тибор Сабо: Философия практики у молодого Грамши

Статья пытается представить философское развитие и место в марксистской философии молодого Грамши.

Грамши, по мнению автора, стремится восстановить тотальность марксизма, которую нарушили с одной стороны теоретики II Интернационала, с другой Бухарин, и таким образом Грамши творчески развивает марксизм.

Лейтмотивом философии молодого Грамши является полемика с экономизмом и с механическим восприятием истории. В противовес этому он подчеркивает важность сознательного действия человека-субъекта истории. Сознательное действие и историческую необходимость он начинает одновременно учитывать только после 1918. Его позиция и впредь характеризуется антропологическим подходом, но отнюдь не субъективистская, как концепция Мондolfo или Сартра.

Статья подчеркивает, что философия Грамши не представляет собой „философию действия” или абстрактный гуманизм, а является соединением практических моментов и сознательности, как того и требовали Маркс и Ленин, то есть философией преобразования практики, что роднит ее с философией Лукача.

Крупнейшие представители французского экзистенциализма стремятся к созданию комплексного единства философии и искусства. Сартр и Камю сознательно обращаются к вопросам эстетики. Центральные проблемы своих философий часто выражены средствами искусства.

Их понимание искусства тяготеет с одной стороны к романтизму, с другой к феноменологии Гуссерля и это в творчестве Сартра и Камю приводит к особенной музыкальной линии. Они считают, что средством интуитивного познания мира и „я”, достижения тотальности и осуществления экзистенции является исключительно искусство — и внутри его музыка.

Привилегированное положение музыки объясняется по их мнениям тем, что музыка представляет собой единственную среду, которая может решить философскую проблематику тотальности-единичного, так как она способна представлять субъекту понятийно невыразимое, видимость тотальности непосредственно, наглядно, как конкретное общее, и как среда, и она сама является самым отвлеченным, наиболее далеким от действительности и от языка искусством. С другой стороны выражаемая в музыке тотальность воссоздает недостижимое в объективной действительности, сферу ирреальности (трансценденцию), чистую объективность, и поэтому музыка становится образцом свободы, самоосуществления субъекта и тотальной свободы.

Теория музыки и философия французского экзистенциализма теоретически многосторонне обосновывают направления в музыке XX-ого века, являющиеся прямым продолжением романтизма, и от имени „тотальной свободы” прощает злоупотребление художественной свободой.

Чаба Варга: Вопрос формальной рациональности в праве

Статья представляет собой развернутый вариант доклада, прочитанного на семинаре о юридической рациональности, организованном Центром Философии Права Парижского университета и который будет напечатан по-французски в „Archives de Philo-

sophie du Droit” за 1977 год. Поставленная задача двойная. С одной стороны рассмотрение в праве появления, форм и функций формальной рациональности на основании прежних монографических анализов автора (относящихся к правовой кодификации, как общественно-историческому явлению) и этим организующие правовой нормы как логической системы, и, вообще, обоснование теории правовой объективации. С другой стороны, определение места права, уже правовой объективации, и еще уже формальной рациональности в онтологии общественного бытия, на основе посмертного произведения Лукача. Статья резко различает онтологический и эпистемологический подходы к праву. По ее мнению с онтологической точки зрения в праве имеется основополагающее противоречие: право должно осуществляться как внеположенная объективация, а в то же время его повседневная практика должна адаптироваться к всегдашним требованиям общественного *Gerade-sein*. Чтобы оно выполняло свою посредническую функцию. То есть его формальная рациональность представляет собой общественную необходимость, но она постоянно нарушается его повседневным практическим применением. Таковы два полюса противоречия, между которыми непрерывно колеблется реальное существование и практика права.

Эндре Надь: Противявечия Эрвина Сабо

Автор статьи анализирует стиль мышления первого выдающегося венгерского марксиста-мыслителя, Эрвина Сабо. В своих изложениях он исходит из тех противоречий, которые были доказаны и современниками в строении мысли Эрвина Сабо, и он пытается доказать то, что эти противоречия не являются отдельными логическими ошибками, допущенными великим мыслителем, а органически вытекают из его позитивски-эмпирической методик. Главная черта, характеризующая последнюю, что после использования самого по себе правильного эмпирического положения вещей даются противоречащие друг другу изложения и выводы, так как употребляемые при разработке положения вещей категории Эрвин Сабо трактует недиалектично и, таким образом,

они закрепляются в противоречиях, исключая друг друга. Как следствие этой методики противоречия в целом пропитывают произведения великого мыслителя. Поэтому статья цитирует в качестве эпиграфа Гегеля, по мнению которого свойством созерцательного разума является то, когда он будто бы излагая то, что наблюдал, скорее создает метафизику, которая противоречиво во всех смыслах. Все-же, как раз потому, что свойством действительности является то, что содержание созерцательного разума само по себе противоречиво, в строении мысли Эрвина Сабо диалектика существует в зачаточном состоянии, но иногда и проявляется: Эрвин Сабо находит диалектические решения. Автор иллюстрирует этот процесс примерами.

Примеры большей частью выведены из теории о государстве Эрвина Сабо, так как автор стремится опровергать критику другого выдающегося марксиста-мыслителя Йозефа Реваи, которой он подвергнул

теорию о государстве Эрвина Сабо. Ибо Йозеф Реваи в своей статье, написанной в 1930-м году утверждает, что Эрвин Сабо превратил государство в надклассовый орган, кроме того тем требованием, что государство нужно удалить из экономики, он стал сторонником либерального государства в конце своего пути. Автор в противоположность этому доказывает, что с одной стороны — вследствие вышеизложенного стиля мышления Эрвина Сабо — рядом с текстами, утверждающими изолированность государства всегда встречаются и отрицающие его изолированность; с другой, что Эрвин Сабо хочет удалить из экономики не государство как таковое, а существующее под властью финансового капитала и, наконец, что параллельно с непринятием империалистического государства он идет не назад к либеральному государству, а вперед к антиэтатическому, строящемуся на самоуправлении социализму.